

Поэзия

СВЕТЛАНА КЕКОВА

Поэт

Родилась в г. Александровске Сахалинской области. Живёт в Саратове. Кандидат филологических наук. Автор стихотворных сборников «Песочные часы», «Стихи о пространстве и времени», «Восточный калейдоскоп», «На семи холмах», «Короткие письма», «Плач о древе жизни», «У подножия Жёлтой горы». Лауреат премии имени Аполлона Григорьева, премии II Международного московского фестиваля поэтов «Москва — Транзит», лауреат премий журналов «Знамя» и «Новый мир». Стихи С. Кековой переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский языки.

САД

1

В корсет заборов втиснуты с трудом
садов созревших линии и формы...
Плоды срывают и приносят в дом,
где светит солнце свыше всякой нормы.

Там голубой сияет потолок,
упругий воздух заменяет стены,
а в хламе речи, где-то между строк,
стоит огромный замысел поэмы.

Она ещё не рождена. Но вам
я расскажу о главном, о высоком –
о том, что всё вокруг трещит по швам
и вишни в вазах истекают соком.

Играет в небе на органе Бах,
и хоть грешно касаться этой темы,
избыток звука в мыслях и словах
пусть скажется на качестве поэмы!

Она о том, как жили мы вдвоём,
не предавая свой союз огласке,
и мир земли, нам заменивший дом,
творил сюжет и вёл его к развязке.

И небо было сладким и густым,
прозрачным, голубым, животворящим,

оно текло и таяло, как дым,
и в прошлом было всё, как в настоящем...

2

Стручки гороха лопались в июле,
набухло небо светом и дождём,
и след от слова, словно след от пули,
на коже был дыханьем обожжён.

Мы отвергали пошлость и рутину,
вступали с миром в непрерывный спор –
в саду природа ставила плотину,
чтоб выдержать лирический напор

созревших яблок, слов и обязательств
перед судьбой, соединившей нас,
стихов, прикосновений, доказательств
и поцелуев, годных про запас.

...Мы поселились в доме на Кирпичной.
Там стол стоял и ржавая кровать.
Сначала нам казалось непривычным,
что можно было окна открывать

и видеть сад, заросший лебедою,
заброшенный, запущенный на вид, –
в нём всё, что людям кажется бедою,
росло, цвело и превращалось в быт.

Пусть в доме пахло плесенью и пылью,
но воздух сада нас поил вином,
и то, что было сном, казалось былью,
и то, что было, становилось сном.

Стихи стояли, как стволы деревьев,
тянули к небу мысли и слова...
От птичьих криков, от летящих перьев
и от любви кружилась голова.

Никто не знал, в какое время суток
над домом пролетали журавли,
и было от чего терять рассудок,
но мы его, как совесть, берегли.

С соседями знакомство завязали,
промыли с мылом переплёты рам,

купили впрок картошки на базаре
по семьдесят копеек килограмм,

потом, отмыв бутылъ из-под кефира,
в неё, как в вазу, ставили цветы...
Был первый день от Сотворенья мира.
В нём было слово, дело, я и ты.

3

В запястье века набухали вены,
и прошлое смотрело из засад,
как в нас происходили перемены
и вместе с нами изменялся сад.

Он путал ветви, линии и пятна,
к нам приближался, удалялся прочь,
в дом забегал и уходил обратно,
и рисовать училась наша дочь.

Сияли краски, как рассада в лунке,
и, за собой не ведая вины,
переплетались детские рисунки
на змеевидных трещинах стены.

Переплетались сроки, даты, числа,
слились две зоны жизни — рай и ад.
Но всё, что помнить не имело смысла,
росло само и вскармливало сад.

Сад шевелил листвою и корнями
и соком слов поил свои плоды.
Текли слова, как дни текли за днями, —
не помня зла, не ведая беды.

Владели вишни языком и нёбом,
мы сплевывали косточки обид...
Цвели цветы, и пчелы пахли мёдом,
и прорастало бытие сквозь быт.

Оно и впрямь стояло между нами
обломками страданий и мытарств...
Но шла волна по имени цунами
из недр подводных и подземных царств.

И к небу поднимала нас на гребне
любовных, нежных, нищенских услад,

потом в волокнах влаги, словно в бредне,
нас осторожно опускала в сад.

Там пели птицы, полные доверья,
слагали строки будущей главы,
кричали листья, плакали деревья
и чуть дрожали голоса травы...

4

...Пришёл октябрь, явилась мысль о том,
что ничего в природе не исправишь,
что истины банальный камертон
нас держит в ранге чёрно-белых клавиш:

вот-вот по ним ударит с силой дождь,
забыв о смысле, поступаясь талантом, –
а публику романс бросает в дрожь,
исполненный великим музыкантом!

И клином в сердце входит птичий хор,
и кровь течёт, и мёд густеет в сотах...
Маэстро Осень! Что за дирижёр
взмахнул рукою в облачных высотах?

Что там за звук в наплыве крыльев стих
и стал, как листья, сух и бестелесен?
Кто знает — сколько прозвучало их,
понятных миру лебединых песен?

И наша осень — это время пик,
пригодное для птичьих перелётов
и для домов, что, как обложки книг,
стоят вокруг в чугунных переплётах.

Но для любви, растений и трудов
здесь места нет — здесь поселилось горе.
Вороньи стаи, словно стаи вдов,
на листья сада падают в миноре.

Осенний вечер холоден и сиз,
приходит время думать о развязках.
Главы четвёртой маленький эскиз
исполнен нами в чёрно-белых красках.

Но мы еще очнёмся в ноябре,
деревья сада подожжём, как свечи,

и встанем — по колено в серебре,
в листве по пояс, в золоте по плечи!

5

Да, снег февральский горек, как хинин, –
его глотает в порошке природа,
и празднование пышных именин
отложено до будущего года.

А кожа с улиц содрана живьём –
я этот факт описываю кратко...
Проходит год, мы мучимся с жильём,
нас бьёт озноб и треплет лихорадка.

В конце зимы, со стен сметая пыль,
ты угадаешь сквозь паучьи сети,
что за окном гудит автомобиль
и яблоки разбрасывают дети.

Пустые стены, мокрые снежки,
игра вслепую в «третий лишний», в прятки,
прикосновенья, беглые смешки,
пустые фразы: «Дома всё в порядке».

Чужая повесть, суета сует,
что может быть глупей и бесполезней?
Но ты тоскуешь, проливая свет
на бесконечный перечень болезней.

Да, вкривь и вкось страданий каталог
излистан ветром сумрачного века –
он страсть и совесть отдаёт в залог
и унижает правдой человека.

....Сто тысяч рук, подобные одной,
сто тысяч глаз, ошибшиеся сроком,
один прохожий с тенью за спиной,
случайно оказавшийся пророком.

Он нам сказал взахлёб и стгоряча,
что снег сойдёт, что жизнь невероятна,
что мой берет у твоего плеча
напоминает солнечные пятна.

Но как начать, когда, с какой руки?
Вот с этих слов: «О времена, о нравы!»

Мой друг, мы с корнем вырвем языки,
чтоб наши мысли не были лукавы.

Итак, во всём намечен поворот:
ещё судьбы не вычитаны гранки...
Бросая камни в чей-то огород,
забрось дела, взгляни на всё с изнанки.

Изнанка жизни тем и хороша,
что дыр своих за складками не прячет –
всё так, как есть: в кармане ни гроша,
душа крепится, но вот-вот заплачет.

Душа по складу жизни — травести,
а ей сидеть за книгою конторской
приходится, чтоб точно подвести
итог любви и страсти бутафорской.

Окончен день, стучат костяшки лет,
пустые ссоры сброшены со счёта,
а в это время зажигают свет
и моют окна до седьмого эта.

***

Волнистый берег, голубая галька,
большие чайки, волны и песок...
Базар, похожий на полотна Фалька, –
там пьют вино, как виноградный сок.

Спешат хозяйки в овощные лавки,
где продаётся всяческая снедь,
они роняют шпильки и булавки,
перебирают серебро и медь.

Разглядывая их, как Мефистофель,
художник остаётся на мели,
но покупает в лавке не картофель,
а глиняные яблоки земли.

Пусть служат матерьялом для закуски!
Он выбирает самый лучший сорт.
Картофель в переводе на французский
сам по себе — словесный натюрморт.

А зрители взирают беспристрастно
на чаек, камни, волны и плоды...
И всё же наше ремесло прекрасно,
как голубое яблоко воды!